

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КОНСТАНТИН БРАЦИХИН

ЗАПИСКИ КОТА ШРЁДИНГЕРА

Константин Брацихин
Записки кота Шрёдингера

«Автор»

2026

Брацихин К.

Записки кота Шрёдингера / К. Брацихин — «Автор», 2026

Тонкая, циничная и местами драматическая комедия наблюдений для тех, кто ценит честный юмор со смыслом. Прогуливаясь под питерским дождем между светофорами и мыслями о Блоке, он создает комедию наблюдений, где находится место и цензуре, и аристократичным собакам с плохими привычками, и великой русской классике. Книга содержит нецензурную брань, тонкую сатиру и капельку питерского сплина. Читать осторожно: вызывает острое желание согласиться с автором.

© Брацихин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как я стал предателем.	5
Глава 2. Как шутить стоя и не присесть ни разу.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Брацихин

Записки кота Шрёдингера

Глава 1. Как я стал предателем.

Я раньше думал, что стендапером становится человек, который хочет смешить народ. Это не я. Меня просто всё заебало.

Я вижу, что ты меня понимаешь... Оглянись по сторонам и ты точно увидишь ещё пару латентных стендаперов. Они ещё «не», они на подходе. Скоро вылупятся. Или отдуплятся. И встанут на сцену.

Вообще, на самом деле, у меня есть нормальная работа. Но я однажды иду такой по Питеру, под дождём, иду просто по улице, никого не трогаю, ни до кого не доёбываюсь. Дождь тоже идёт, но он, сука, доёбывается до всех. А у меня просто болит голова.

Я иду, дождь идёт, голова идёт вместе со мной и болит. И в ней такая мысль появилась – выйти на сцену и рассказать, как всё заебало.

Такая гениальная мысль могла прийти только человеку с больной головой. Но это уже не первый раз в моей жизни такая история. У меня с 11 лет мигрени. И после школы я пошёл учиться на психоаналитика. Туда ведь здоровые не идут. Туда идут те, кто однажды понял, что либо он сам сойдёт с ума, либо начнёт лечить других, таких же, как он. Больных на всю голову.

Так вот, иду я, после очередного клиента, который вытрахал мне весь мозг, но взамен подарил ощущение, что у меня-то не всё так плохо – всё-таки я не самый больной.

Иду и понимаю, что...

Что я нихера не понимаю. Мне 47 лет, а я нихера не понимаю, что происходит.

Как в песне Высоцкого, но с питерским акцентом: «Вроде так же нет солнца и та же вода, только я нихера, блядь, не понял».

Вы зря смеётесь. Это мы сейчас ещё до Блока не дошли. А в тот вечер я дошёл. Я остановился на светофоре. На красном стою. Я же коренной петербуржец, я умею стоять на красном. Я стою. Рядом стоит фонарь. Через дорогу аптека. На улице ночь. Всё как он описал. Но... Вот скажите мне: что могло пойти не так?

Дождь мог пойти не так! Блок, сука, тоже наебал. Нельзя жить в Питере, писать стихи и забыть упомянуть дождь.

Либо он писал это стихотворение где-то в Москве, либо он был первым маркетологом. И где-то в своей тетрадке, на самой последней странице, самым мелким почерком было написано: если в городе есть фонари рядом с аптеками, то там всегда будет идти дождь. А если он не идёт, значит, он собирается пойти.

Нет, нихуя, это же Блок – он не мог так тупо и откровенно написать.

Он написал так:

Дождь, пасмурно, осадки летом, бессмысленный и мокрый снег, живи ещё хоть четверть века — всё будет так, исхода нет.

Бляяя... Блок наебал. Но я его не виню. Вся проблема в отсутствии хорошего образования!

Если бы мои родители читали Блока, им бы не пришла в голову идея переехать в Питер. Ты тоже переехал в Питер? Скажи, Питер научил тебя читать мелкий шрифт в самом низу договора?

Правильно! Нас не наебёёёшь! Стопудов, ты уже научился у питерских стоять на красном сигнале светофора, когда другие спокойно переходят и не обламываются. Ты такой стоишь, смотришь на переходящих и думаешь: «Чтоб тебя сбила машина». А они переходят на крас-

ный. Ну, почему переходят? Потому что ночь. Потому что машин нет. А ещё потому что рядом с ними стоит подозрительный человек. Смотрит на красный, смотрит подозрительно — то на фонарь, то на аптеку. А зачем ему аптека ночью? И машин нет. А он стоит и не переходит. «Ну нахуй», — думают они, лучше держаться от него подальше. И переходят. И их не сбивает машина.

А если собьёт машина? Вот ты такой стоишь, смотришь на них и думаешь: вот сейчас проедет машина и собьёт этого дурака. И она вдруг проезжает — и действительно его сбивает. И кто будет виноват? Ты!

— А кто же ещё? Это же ты представил, как это случится, вот оно и случилось. А как иначе? Ты же петербуржец, ты просто обязан чувствовать себя виноватым.

Всё будет так. Блядь. Исхода нет. Сука.

Или есть? Ты как думаешь? Ты ещё веришь, что исход возможен?

Одни тоже верили. Сорок лет верили, блуждая по пустыне. Я жил неправильно и сорок лет блуждал, занимаясь чем-то другим. Днём я всё-таки психоаналитик. Каждый день приходят клиенты, ложатся на кушетку и протягивают ноги. Вечером я прихожу сюда и смотрю, как нормальные люди протягивают руки. Наверное, следующим этапом моего развития будет работа патологоанатомом. Там я уже буду брать людей за руки и за ноги — и делать с ними то, что мне надо, а не то, что они хотят. Никто из них не скажет: «Эй, чувак, рассмеши меня!» Или: «Эй, доктор, послушай, что мне приснилось». А мне не придётся думать, глядя на симпатичную пациентку, укладывающуюся на кушетку: «Лучше бы ты сначала разделась». Тут уже все готовенькие. Все разделись и внимательно слушают — молча. Это, наверное, мечта любого учителя младших классов. Им вместо отпуска на даче нужно устраивать тренинги в морге. Недельку поработают с молчаливыми — и потом весь год можно со снисхождением смотреть на этих незамолкающих крокодилчиков, думая про себя: ничего, ничего, вы просто не представляете, чем всё закончится.

Ну, как тебе такие фантазии? Я же говорил — голова нездоровая. Ну-ка расскажи: ты в детстве бегал заглядывать в окна морга? Лучше не вспоминай. Нам не надо знать, о чём ты фантазировал. Я могу телефончик свой оставить — запишешься на приём.

Глава 2. Как шутить стоя и не присесть ни разу.

Я перешёл на «ты», меня можно простить. Мне сейчас очень тяжело. Надо подбирать слова и внимательно следить за тем, что говоришь. Сейчас это небезопасно, я даже думаю, что чем смешнее - тем опаснее. Читать ещё можно, читать и не оглядываться, но нужно быть готовым ко всему. Перед тем как лечь в горячую ванну и начать писать, я внимательно изучил наше законодательство. И всё хорошо запомнил. Я подготовился и подготовлю тебя. Представим, что ты захотел написать любовную сцену. И вот ты начинаешь так: «Он прижался к ней и его рука спустилась...» Стоп. Дальше нельзя. Руке придётся спускаться так, чтобы ее никто не видел. И ей придётся хранить всё в тайне. Никто не должен знать, что именно она там нащупала и почему так задержалась. Но это же так интересно! Мокрое или сухое? Гладкое или не очень? Никаких подробностей, только полунамёки. Вы не подумайте ничего неприличного, если что – я сейчас говорю про работу автомеханика по замене масляного фильтра через капот. Придётся этот процесс описывать так: «Он обьял её своим властным взглядом, приказывающим без слов открыться ему. Она, повинувшись и не в силах сопротивляться его желанию, подняла капот, но не сразу. Сначала его пальцы нащупали щель между ним и её пышным бампером и слегка надавили на капот. От этого прикосновения она потеряла остатки самообладания и раскрылась перед ним. Он был сверху, его мускулистый живот мягко надавил на неё всеми своими кубиками пресса. Он не торопился, он уже все решил, он знал, что будет с ней делать и как хорошо ей станет после него. Он подарит ей новый опыт, которого так жаждал её пламенный мотор. После него она почувствует себя снова молодой и чистой. Ласточка моя, – прошептал он ей, – не бойся, я сделаю всё аккуратно, тебе не будет больно. Его рука опустилась в темноту, нежно касаясь сначала радиатора, потом поддона картера. Мягкими, плавными, но уверенными движениями он нащупал то, к чему стремился – её масляный фильтр. Она вся задрожала от предвкушения. Он обхватил его своей горячей ладонью и начал совершать ритмичные круговые движения против часовой, словно исполняя Лунную сонату Бетховена. Это знаменитое «остинато» — ровное, повторяющееся триолями от «До» к «Си» и обратно. Она была инструментом в руках настройщика роялей. Она отдала ему всю себя без остатка. Ещё движение и ещё и ещё чуть-чуть и вот оно! Из неё полилось ... старое моторное масло.

Вот как надо литературно описывать половой акт совокупления двух... Просто двух, и точка. Не надо даже заикаться о трёх. Если вас в постели три — это уже чайлдфри. Про мастурбацию в законе, кажется, ничего не сказано. Но это не наша заслуга, а их недоработка. Всё ещё впереди. Если вас в постели три или мастурбируешь в одиночестве ты — это всё уже чайлдфри. И это же очень хорошо. Это про понятие нормы. Хорошо же, когда всё нормально. А любое ненормальное — это плохо. Я поддерживаю целиком и полностью.

Нельзя ставить личную свободу выше семейных обязанностей — это первый шаг к чайлдфри-мышлению. Это уже Чернышевский доказал, отвечая на вопрос: «Что делать?». Тургеневский Базаров, кстати, был первым чайлдфри. Только он не говорил «я не хочу детей», он говорил «я отрицаю всё». И детей тоже. Идиот. Все мы помним, к чему привела его такая философия. Чехов показывал людей, которые живут без детей, и не считал их ущербными. А как вы думаете, почему? Потому что у него у самого детей не было. Чехов в Питере не жил, детей не заводил и умер от чахотки. Вы хотите как Чехов?

Итак, мы уже прошли по трём правилам современного литературного творчества: никаких влажных подробностей, пропаганда семейных ценностей и порицание распутного образа жизни.

Я очень ясно вижу, как Анна Каренина садится в поезд и едет в Вену к Фрейду. Госпожа Бовари стала женой аптекаря. Базаров женился на Одинцовой, завёл кучу детей и борзых собак. «А ведь ты, братец, не знаешь моих борзых!» — говорил бы он Бунину, который не написал

бы «Лёгкое дыхание». А как иначе? Может, это Бунин и виноват во всём. Старый развратник. Мало того, что его героине нет шестнадцати, так она ещё вертела хвостом, то есть сводила с ума всех мужиков, а один её взял и пристрелил. Осуждаю!

Разве такой мир нам нужен? Нет, конечно.

«Три сестры» Чехова — они бы вышли замуж, родили, сидели на веранде и пили чай. Или вот какую пользу обществу могла принести Маргарита, летая на шабаши и изменяя мужу, вместо того чтобы сидеть с детьми и варить им кашу. Томас Манн не увидел бы смерть в Венеции, все остались бы живы. А если снять со стены «Портрет Дориана Грея» и повесить портрет вождя, то всем нам станет легче жить. Всё. Нет, не все, портрет Дориана мало только снять, его надо растоптать и сжечь.

И не говорите мне ничего про Лолиту. Срамота. Даже не спрашивайте, читал ли я. Я сразу отвечу: не читал, но осуждаю!

Может поэтому и пишут сейчас в романах: «Тела встретились, и границы между ними стёрлись. Они дышали в одном ритме, и мир перестал иметь значение. Это была не страсть — это была любовь на грани». И никак иначе писать нельзя. Теперь перевожу на человеческий и описываю, что было на самом деле: «Она застонала, когда он вошёл в неё...» и далее ряд подробностей, раскрывающих весь процесс, но строго в учебных целях, разумеется, никакой пропаганды.

Поехали дальше. Я держу в руках вырванный из блокнота листок. На нём — роман Ирвина Уэлша «На игле». Весь роман поместился на один листок. Он состоит из одного абзаца:

«В легальной практике морфин назначают исключительно для облегчения страданий неизлечимых больных. Вне больничных стен — это тяжкое преступление, ведущее к деградации, зависимости и смерти».

А вы что подумали? Разве это неправда? Наркотики убивают — это все знают. Тут нет ничего, с чем можно было бы поспорить.

Прекрасный, позитивный, поучающий роман получился бы. И время можно сэкономить на прочтении. А вот как ещё можно писать: «Наркотики закрыли ей дверь в волшебный мир, не показали всю брэнность обыденности. Теперь она не видела истину, доступную простым смертным». Теперь даже никто не курит в романах. Люди случайно заходят в комнаты и вдруг, почему-то, чувствуют отвратительный запах табака — а именно, чёрного кавендиша с черносливом. Или вот так: «Он сделал небольшой глоток Louis XIII de Remy Martin и поморщился от столь неприятного вкуса спиртного».

Это ещё не все подводные камни под листом писателя. Оказывается, творчество литератора может представлять опасность. Даже не одну, а целых три. Три класса опасностей: низкая, средняя и высокая.

Например, низкая опасность — писать о событиях столетней давности. Прибавим пятьдесят лет — и опасность становится средней. Выглянем в окно и, по умственному слабоумию и врождённой отваге, решим написать о том, что мы там видим, — это уже высокая опасность. А если из вашего окна Дума российская видна — то вам вообще лучше ничего не писать и не смотреть. Зашторить окна и не выходить из дома.

Думаете, шучу? Нет. Статья 13.15 КоАП. Я написал «Дума российская». А может, надо было «российская» писать с большой буквы? Может, это тоже высокая опасность? Правила русского языка говорят: с маленькой. Но, знаете, на заборе тоже написано. Я вот уже не уверен, поэтому исправлю ошибку и напишу так: «Дума Российская видна». И пусть моя учительница по русскому и литературе поставит мне двойку, чем судья впаяет ту же двойку, но в другом месте.

Мне юрист сказал: «Ты, — говорит, — главное, соблюдай баланс точек зрения». А я вот думаю: баланс каких точек и чьего зрения? Тут ведь тоже нельзя ошибиться. Важно выбрать правильный баланс, правильных точек, и нужного угла зрения.

Вот если я захочу посмотреть, как выглядит Государственная Дума сверху, например с высоты полёта дрона. Зачем я это сказал... Простите, я имел в виду: с высоты птичьего полёта. Высота у них одинаковая. Это будет опасно? Звучит не очень, да? Взглянуть на Думу сверху. Да кто я такой, чтобы смотреть на неё сверху вниз!

А вот если я захочу взглянуть на Думу из космоса, то это уже, пожалуй, дозволено и не опасно. Ибо я буду далеко и не факт, что вернусь обратно. А кому какое дело до тех, кто улетел в космос через «Верхний Лаз»? С глаз долой — из сердца вон.

Вот пусть они там и говорят то, что думают, и думают то, что думают. И про клетки не забывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.